

A post-apocalyptic city street in autumn. In the foreground, a heavily rusted and abandoned car is parked. The car is light-colored with significant surface corrosion and has a license plate that reads '214008'. Behind it, another car is visible, and further back, a yellow taxi with a sign on its roof. The street is lined with trees whose leaves are in various stages of autumn, from green to bright orange and red. In the background, tall, modern buildings of a city are visible, some appearing to be in ruins or partially obscured by the trees. The overall atmosphere is one of desolation and decay.

Федор
Метлицкий.
Белая
лебедь,
рассказ

Федор Метлицкий

**Федор Метлицкий.
Белая лебедь, рассказ**

«Автор»

2026

Метлицкий Ф. Ф.

Федор Метлицкий. Белая лебедь, рассказ / Ф. Ф. Метлицкий —
«Автор», 2026

В изменившемся, многополярном мире, скудном времени импортозамещения, у незаметного клерка украли единственный автомобиль. Обычно не в состоянии из опаски и совестливости сказать прямо то, что чувствует, он начинает проявлять себя в нелепой форме, его принимают за ненормального.

Содержание

Глава	5
1	5
2	7
3	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Федор Метлицкий

Федор Метлицкий. Белая лебедь, рассказ

Глава

1

Это было время, когда мир предстал совершенно другим. Время многополярного мира, перехода экономики на привычные импортозамещение и параллельный импорт.

Во все времена исторических взлетов и падений, человек мало меняется. Но сейчас, во второй половине последнего столетия, в постоянных кризисах люди ощутили усталость от идей и идеологий. Стала спадать пелена иллюзий и романтики, что раньше воодушевляло войны и революции. Потеряли опасную остроту массовые протесты, бунты — они не решали никаких проблем, и стали безопасны для власти. У граждан оставались только силы для того, чтобы напитать себя и устроить жизнь семьи.

Лопухов после окончания института попал на работу в некое министерство, устроился мелким клерком. Это было пугающее мрачное строгое здание сталинской постройки в квартале, где в основном громоздились официальные здания власти. Вход в них был по специальным пропускам со страшным гербом-крабом, и посторонние не могли проникнуть внутрь.

Министерство было всесильно и вездесуще — обслуживало оборону, плодило постановления по своей сфере деятельности, в том числе решало социальные вопросы населения, вбухивая в него всю пропагандистскую энергию. Оно учитывало каждую человеческую единицу, на которую начислялись посильные для власти крохи от бюджета.

Лопухов был из тех, кто в любую эпоху, бунтуя внутри, незаметно проживает свою жизнь, становясь безличным перегибом истории на фоне выпрыгивающих вверх вождей и знаменитостей, вошедших в мифы и легенды. Никак не мог привыкнуть к однообразному течению жизни: изнывал на работе в офисе, застрахованный постоянной скудной зарплатой. И всегда счастливо избегал различных бытовых опасностей.

В детстве он привык бояться отцовского ремня и умел ловко избегать экзекуции благодаря фантастическому умению приспосабливаться. У отца были гены предков, по которым проходили катки войн, постоянного страха перед басурманами, которые, бывало, пировали на живом помосте из пленников — наших лучших витязей. А также постоянный страх из того времени, когда в страшной ночной тишине воронки-«маруси» проскальзывали к домам, после чего исчезали люди. Душа отца жаждала безопасной жизни, стабилизации. И в крови Коли Лопухова тоже остались гены папы.

В школе одноклассники насмехались над его пухлым видом и жирным задом, обзывая его «Джупарой», именем недавно появившейся ученицы — толстой косоглазой бурятки с рублеными чертами лица, его почему-то приклеили к ней.

Уже взрослым он по-прежнему ощущал грозное давление на себе неподвластной ему, как зима, внешней силы. И боялся ее, как отцовского ремня, прячась в офисе своего отдела, который ввиду не особой значительности помещался под сводчатым потолком подвала. Там за рядами столов справа и слева склонялись над «делами» смирные коллеги в вицмундирах, пишущие гусиными перьями, которые снова появились в ходу в результате импортозамещения.

Свою наивность и искренность он скрывал, панически опасаясь некоего разоблачения. Был не в состоянии сказать прямо то, что чувствовал к обижающей среде — опасался, что за правду будут бить. Хотя иногда проявлял себя в нелепой форме, что грозило чем-то опасным.

2

После принятия «беспрецедентных» санкций против непокорной страны, каких не знала история даже в эпоху мировых войн, жизнь изменилась до неузнаваемости. Вернулось время всеобщего дефицита. Вернее, дефицит никуда не исчезал, а был всегда — или некоторых особенно привлекательных вещей, или денег, чтобы купить их. Жена Лопухова давно запаслась мукой, овсяными хлопьями и сахаром, а также дефицитными лекарствами. Шкаф на кухне был завален пузырьками йода, перекиси водорода, антисептиков, антигистаминных, обезболивающих, жаропонижающих, активированным углем, пластырями, бинтами, жгутами...

Перед праздником опекавший Лопухова толстый и добродушный кадровик Злобин подзвал за свой стальной шкаф.

— Нужны дефицитные продукты? Вот тебе записка в валютный магазин. Бери, не стесняйся. Это волшебный ключик, который откроет тебе все двери. купишь полный набор, да не за зеленые — где они у нас сейчас, были, да сплыли. За юани. Видишь, как я о тебе забочусь? Может, вспомнишь когда.

Чем-то Лопухов ему приглянулся. Не дай бог...

Пошел с заветной запиской в магазин за дефицитными продуктами — кофе, чаем, апельсинами, хамоном. Шел и всю дорогу пытался прочесть фамилию некоего лица, который мог все. Подпись непонятна, не то Шуваев, не то Сулаев.

Ну, пошел с черного хода. В ворота въехала машина — чуть не прокатила его по стенке. Выскочил из-под нее — там носят ящики с консервами.

— Мне...

И позабыл. Растерялся. Вытащил волшебную записку.

— Шуваева... Александра Ивановича.

— Вам туда.

Подошел к директору. В его кабинете бил в глаза плакат с расчерченным на куски животным.

— Вы Сулаев? Вот...

Опять забыл, глянул в бумажку.

— Сейчас, — пробурчал тот, и оторвался от бумаг. — Платите в кассу. Идите тудой.

— Сюдой?

— Да как угодно.

Лопухов в поисках кассы мешался под ногами рабочих.

Вернулся, зажав в кулак чек,

— Проходите ко мне, — сказал директор.

Лопухов зачем-то мигнул директору. Тот, занятый, недоуменно глянул.

Пришла тетка в халате, с пакетами.

— Авоська у вас есть? Авоська — есть?

Повернулась.

— У него авоська есть?

— Вы — мне? Вот, сумка.

Озираясь, покидал пакеты в сумку.

— Выйти можно сюда?

— Да в любую сторону!

Недоумевая, проводили глазами. Лопухов фальшиво улыбался по дороге.

3

Жизнь замедлилась. В ходу была новая валюта — юани. Средства сообщения, вроде мобильного телефона или других гаджетов, исчезли из продажи, хотя Лопухов знал про их существование, но уже забыл, что есть проходящая по воздуху информация. Снова вернулись к массивным черным устройствам-телефонам, и письмам, вспомнив, как писали в старину: «Милостивый государь, в первых строках моего письма...», и заканчивая: «Жду ответа, как соловей лета».

Страна постоянно была занята разборками с обидчиками-соседями в Восточной Европе, в Малой Азии, на Дальнем Востоке. Стоит только почитать переписку глав государств из архива, чтобы понять, как возникают распри и войны. Все начинается с обид, нанесенных государям, сиречь их державам. Беспокойные соседи не дают жить миролюбивому монарху, вытесняя с рынков. «Брат мой, вы не соблюдаете обязательств между нами, — пишет один, обиженный. — Мы начинаем оборонительную войну». Беспокойный сосед отвечал: «Брат мой, вы империалистический хищник. Несмотря на добросовестность, с которой мы выполняем свои обязательства, ваши войска пересекли наши границы». Противник отвечает: «Я не испытываю к вам и вашим подданным враждебного чувства. Я хотел бы избавить вашу страну от бедствий, в которые она сама на себя вовлекла», и т. д.

Лопухова тоже долго жгла обида, когда во времена потепления дружественная держава помогала, чем могла, распадающейся стране. Ее консультанты шастали по министерству, и один, словно жалея, сунул ему дешевую импортную безделушку, он поклонился — проклятое воспитание! и тот инстинктивно отдернул руку, словно ее собирались поцеловать. С того позорного мгновения в нем тлел гнев против их снисходительного похлопывания по плечу — знай, мол, сверчок свой шесток. Страна и подавно не могла выдержать, когда ее ставили на место, как слугу.

Тогда в речах депутатов, официальных политологов и журналистов процветали сравнения. За сомнительные поступки своей страны они оправдывались не перед Богом, а кивали на «подлянки», допущенные зарубежными «партнерами»: «А вот у них там!»

Даже небольшая военная операция где-то в Африке, которая шла в это время, не могла повлиять на повседневные заботы Лопухова о своей семье — жене и маленьком пуделечке Норуше. Неважно, какая война, настоящая или гибридная, они обычно бывают во все времена, в прошлом, настоящем или будут в будущем, — ничего не поделаешь, он будет терпеть, пережидая напасть.

Однако от призывов наказать соседей он морщился, война казалась таким же безобразием, как рвать живое тело на куски. Однажды увидел, как забивают животных на скотобойне — обездвигивают током, подвешивают за ноги, вскрывают артерии и вены, сливая кровь, снимают шкуру, извлекают внутренние органы — бр-р! С тех пор стал вегетарианцем. Но не мог выразить отвращение открыто, в лицо упертым — было как-то неловко. Он удачно находил слова, чтобы помириться с непобедимой силой. Ты независима, — якобы, твердо говорил он, глядя силе в глаза, — и я тоже независим. Давай не трогать друг друга. А у самого душа уходила в пятки.

И избегал коллективных патриотических митингов, куда выходили с победными плакатами его коллеги по настоянию активистов, хотя, казалось, они делают это искренне. Даже если наступит катастрофа от экономических санкций, они тоже будут терпеть, никого не виня.

Лопухов, как все, узнавал новости по телевизору, ибо других новостей не было — альтернативные сервисы были запрещены, а подпольных искать было опасно, да и не было охоты слышать болтовню не обладающих хотя бы каким-нибудь властным ресурсом. И верил, что если

бы не вражеское окружение, осадившее нас, то мы бы жили в раю. За неимением иного привычно читал новых «проходных» писателей и смотрел по телевизору попсовых певцов, выживших после прополки экономическим кризисом развлекательных программ. Творцы силились «приподнимать действительность» и видеть лучи восходящего солнца своей страны, которое превращалось в золотую звезду на груди ее кавалеров — героев романов и шлягеров.

Мы отстаиваем интересы и безопасность страны по всему миру, защищая наши права, и Лопухов удивлялся радикалам, которые осмеливались кусать за икры власть, вторгавшуюся войсками во все податливые дырки мира. Кто прав? Полно пропагандистских фейков — кому верить? Психика человека не любит неопределенности. Из бьющей по нервам тревоги он возвращался в надежный мир — включал телевизор, где мстительно улыбающиеся пропагандисты действовали на него успокаивающе, и снова ощущал безмятежность нашей стабильной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.